https://doi.org/10.34680/vistheo-2020-1-29-66

САКРАЛЬНАЯ ТОПИКА РУССКОГО ГОРОДА (7). К ТИПОЛОГИИ НАДВРАТНЫХ ХРАМОВ

С. С. Аванесов
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Россия
iskiteam@yandex.ru

В статье продолжено исследование принципов и способов формирования пространства традиционного русского города как визуального текста. Такой текст имеет по преимуществу сакральное содержание. В нём выражаются религиозные установки, ориентиры и ценности, а также транслируются священные образцы и демонстрируются эсхатологические образы. Синтаксис городского визуального текста определяется ключевыми архитектурными доминантами, несущими на себе основную смысловую нагрузку. Такие доминанты в традиционном христианском городе – это собор и парадные ворота, объединённые в одну пространственную синтагму. Комплекс «собор–ворота» является прямой аллюзией на сакральную топику Иерусалима. Создание такого ансамбля является распространённым на Руси способом осуществления культурно-семиотического трансфера, то есть воспроизведения иерусалимской пространственной «программы». При этом специфика русской версии «новых Иерусалимов» заключается в особой конструкции ворот, соединяющих в себе проездную башню и надвратный храм. В статье критически анализируется тезис о происхождении русского надвратного храма от византийских образцов. Показано, что надвратный храм является чисто русским архитектурным «изобретением», а происхождение и широкое распространение этой конструкции объясняется решением семиотической задачи – стремлением создать «пространственную икону» Иерусалима как центра Святой Земли. В статье также предложена типология надвратных храмов. Цель такой типологии – уточнить объём и содержание понятия «надвратный храм», выделить и характеризовать разновидности этого сооружения, а также указать на те варианты композиции «храм–ворота», которые мы не можем отнести к категории надвратных храмов в точном смысле. Предложены пять типов надвратного храма и определены архитектурные сооружения, относящиеся к этим типам. Исследование призвано уточнить тезис о важнейшей роли русского надвратного храма в создании сакрального пространства (иеротопии) восточнохристианского города.

Ключевые слова: визуальная семиотика, городской текст, христианская архитектура, сакральное пространство, архитектурная доминанта, надвратный храм, культурно-семиотический трансфер, иеротопия, новые Иерусалимы.

SACRED TOPICS OF RUSSIAN CITIES (7). TO THE TYPOLOGY OF THE OVERGATE CHURCHES

Sergey Avanesov
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia
iskiteam@yandex.ru

In this article I continue to study the principles and methods of forming the space of a traditional Russian city as a visual text. Such a text has predominantly sacred content: it expresses religious attitudes, purposes and values, as well as conveys sacred patterns and demonstrates eschatological images. The syntax of urban visual text is determined by key architectural dominants that carry the basic semantic load. Such dominants in a traditional Christian city are the cathedral and the front gate, combined into one spatial syntagma. The "cathedral–gate" complex is a direct allusion to the sacred topic of Jerusalem. The creation of such an ensemble is a widespread Russian way to implement a cultural-semiotic transfer, that is, to reproduce the Jerusalem spatial "program". At the same time, the specifics of the Russian version of the "New Jerusalems" is in the special design of the gate, which combines a travel tower and an overgate church. In the article I critically analyze the thesis that Russian overgate churches come from the Byzantine samples. I show that the overgate church is originally Russian architectural invention, and the creation and wide distribution of this building is explained by the solution of the semiotic problem – the aspiration to create a "spatial icon" of Jerusalem as the center of the Holy Land. I also suggest a typology of overgate churches. The purpose of this typology is to clarify the scope and content of the overgate church concept, to identify and characterize the varieties of this architectural structure, and also to indicate those variations of the "church–gate" composition, that are not possible to be attributed to the category of overgate churches in the exact sense. In the article I suggest five types of overgate churches and define architectural structures belonging to these types. This study clarifies thesis about the crucial role of Russian overgate churches in creating sacred space (hierotopy) of the Eastern Christian cities.

Keywords: visual semiotics, urban text, Christian architecture, sacred space, architectural dominant, overgate churches, cultural-semiotic transfer, hierotopy, new Jerusalems.

Исследования последних лет в области иеротопии и визуальной урбанистики позволяют подойти к пониманию традиционного города как такого культурного феномена, создание которого предполагало не только постановку и решение утилитарных, социально-экономических, политических и военных задач, но и преследовало вполне семиотические цели. Город как пространственно расположенное («трёхмерное») произведение искусства, посредством которого оформляется и транслируется определённое высказывание, сообщение, нарратив сакрального характера, может и должен рассматриваться как предмет визуальной семиотики. Такой подход к пониманию раннего русского города позволяет выявить в нём «иерусалимскую» образно-смысловую парадигму, воплощаемую с помощью различных объёмно-пространственных и пластических форм, главными из которых высту-

пают городской собор и городские «парадные» ворота [см.: Аванесов 2018, 73–80]. Трансфер идеи Иерусалима осуществляется именно посредством заполнения и визуального закрепления указанных двух синтаксических позиций, несущих на себе весь городской сакральный «текст». Та же синтаксическая конструкция обнаруживается и на уровне детинца, княжеской резиденции, епископского двора или монастыря.

Собственно русская традиция создания названной градообразующей конструкции характеризуется тем, что в пространственном ансамбле «собор–ворота» её вторая составляющая визуально усилена постановкой храма на проездную башню. Такой приём создаёт дополнительную визуальную акцентуацию на «периферийном» элементе иерусалимской композиции и значительно усиливает те смыслы, которые с ним символически связаны. Традиция создания надвратных храмов в средневековой Руси не имеет аналогов и «уникальна с точки зрения их истории и символики» [Трифонова 2005]. До сих пор не обнаружены явные признаки заимствования такой комбинации храма и ворот из предшествующей византийской традиции, хотя некоторые исследователи поспешили декларировать её наличие. Поиски аргументов в пользу существования упомянутой традиции осложняются тем, что «сохранность именно этого типа памятников самая худшая, так как они почти не опознаются археологически» [Виноградов 2018, 249], а документальные свидетельства, как правило, двусмысленны или неполны. Именно поэтому всякое утверждение о наличии археологических остатков надвратного храма где-либо вне ареала русской культуры следует воспринимать с сомнением и относиться к подобному утверждению критически – как к такой гипотезе, которая априорно слабо верифицируема.

К примеру, Вл. В. Седов «постулировал широкое распространение надвратных церквей во всем византийском мире, а также символический, “иерусалимский” характер таких храмов» [Виноградов 2018, 249; ср.: Седов 2009]. Однако данный тезис оказался чрезвычайно слабым [см.: Аванесов 2019, 127–132]. К примеру, А. Ю. Виноградов утверждает, что целый ряд храмов, перечисленных Вл. В. Седовым, вряд ли можно считать в строгом смысле надвратными. В этот ряд он включает церкви Богородицы «Иерусалим» у Золотых ворот в Константинополе, св. Фоки на Акрополе, Христа Филантропа, св. Иоанна Богослова, св. Афиногена, храмы при колокольне монастыря Осиос Лукас, а также храмы Святых Архангелов в Бачкове (Болгария), св. Николая в Гелати (Грузия) и Сурб Аствацацин в Татеве (Армения), отнеся три последние постройки к категории храмов «над галереями» [Виноградов 2018, 250–265]. Действительно, храмы такого типа ни физически, ни символически не связаны с входными воротами с их богатейшей семантикой и, скорее всего, их конструкция обусловлена удобством сообщения между разными частями территории монастыря.

Можно заключить, что надвратные храмы «были редкостью в Византии и ни в одной её части не образовали сколько-либо устойчивой традиции» [Виноградов 2018, 249], а потому нет оснований предполагать вторичный, *производный* характер композиции первого русского надвратного храма на Золотых воротах Киева как образца для всех последующих подобного рода сооружений. Тем не менее, А. Ю. Виноградов не отказывается от этого

предположения, настаивая на существовании перечисленных ниже византийских *надвратных* храмов.

1) Церковь Христа-Спасителя в «Медных» воротах (Халки) Большого императорского дворца в Константинополе. Ряд исследователей ставят под сомнение её надвратный характер [см.: Виноградов 2018, 250; Виноградов 2016, 179]. Однако А. Ю. Виноградов предполагает, что это самый ранний византийский надвратный храм, который к тому же был действующим «до конца Византии» [Виноградов 2018, 252]. Построен он был императором Романом Лакапином (920–944), а перестроен в 971 году императором Иоанном Цимисхием (969–976); оба являются представителями Армянской (Македонской) династии. Тесноту этого храма описал Лев Диакон (Hist. VIII 1); из этого описания как будто следует, что храм был именно надвратным [Виноградов 2018, 250–251]. У Льва Диакона, однако, в указанном месте сообщается следующее [Лев 1988, 68]:

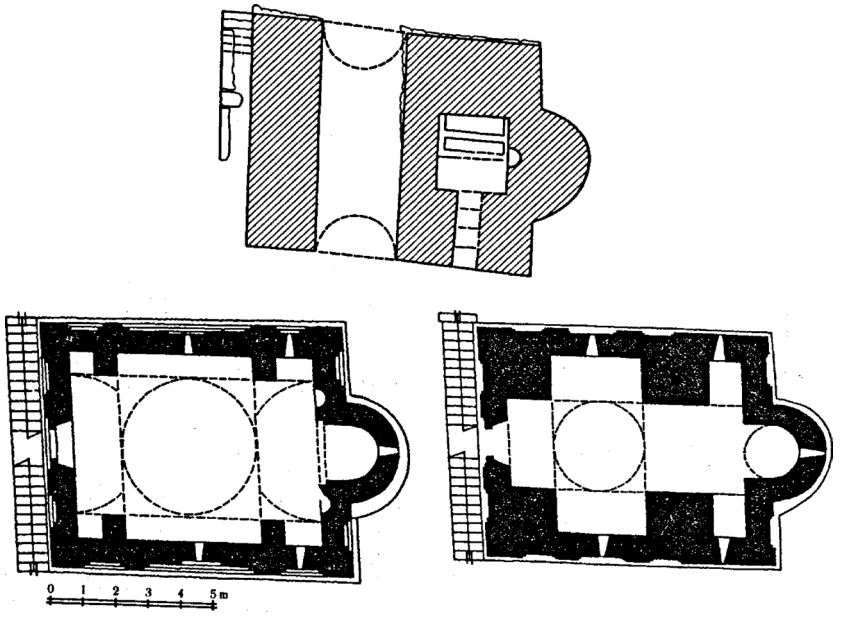
> «Как только ясная весна сменила мрачную зиму, император тотчас поднял крестное знамя и стал спешить <с походом> против тавроскифов. Прямо из дворца он отправился помолиться Богу во всеми почитаемый храм Христа Спасителя, находящийся в Халке. Увидев, что место для молящихся очень узко, ибо там едва могут поместиться пятнадцать человек, а вход извилист, неудобен и походит на витой лабиринт или убежище, <Иоанн> тотчас же приказал перестроить храм от самого основания, расширить и сделать более светлым. Он сам обозначил очертания стен; некое вдохновение внушило ему это усердие и распорядительность, и храм достиг такой красоты и величия, которые присущи ему теперь»[1].

Здесь мы читаем, что а) храм находился *в* воротах, а не *на* воротах; б) судя по более чем скромным размерам и узкому извилистому входу, храм помещался внутри «тела» ворот; в) император сам разметил периметр стен нового храма, а сделать это он мог, вероятнее всего, на поверхности земли (если было ещё свободное место на воротах, то невозможно объяснить, почему первый храм построили таким тесным). Следовательно, первоначальный храм, судя по всему, помещался *внутри* ворот и, скорее всего, снаружи никак не был дополнительно выражен, а новый был построен *рядом* с воротами, то есть на земле. Скорее всего, это был один из многих византийских «привратных храмов» [Трифонова 2005]. Важно принять во внимание, что ворота Халки были «вполне светским по архитектуре позднеантичным сооружением» [Виноградов 2018, 251], то есть, видимо, просто триумфальной аркой, на которой невозможно разместить храм, тем более «величественный». Вызывает сомнение и факт погребения императора в *надвратном* храме: «погребения во втором ярусе не известны в Византии»; но тогда где же он был погребён? Поневоле приходится предполагать, что «гробница императора находилась, вероятно, в нижней части здания» [Виноградов 2018, 252]. Как же у надвратного храма, стоящего *на* триумфальной арке, могла быть «нижняя часть»? Мы снимем этот вопрос, только пред-

[1] Пер. М. М. Копыленко.

положив, что новый храм был построен *рядом* с «позднеантичными» воротами, а не *на* них.

Итак, существуют обоснованные сомнения в том, что оба храма, последовательно построенные в воротах Халки, были надвратными. Во всяком случае, при всех аргументах за надвратный характер этих сооружений, невозможно не принимать во внимание не менее серьёзные аргументы против, и потому однозначно утвердительное суждение на этот счёт невозможно. Следовательно, у нас *нет* достаточных оснований ссылаться на это сооружение как на пример византийского надвратного храма.

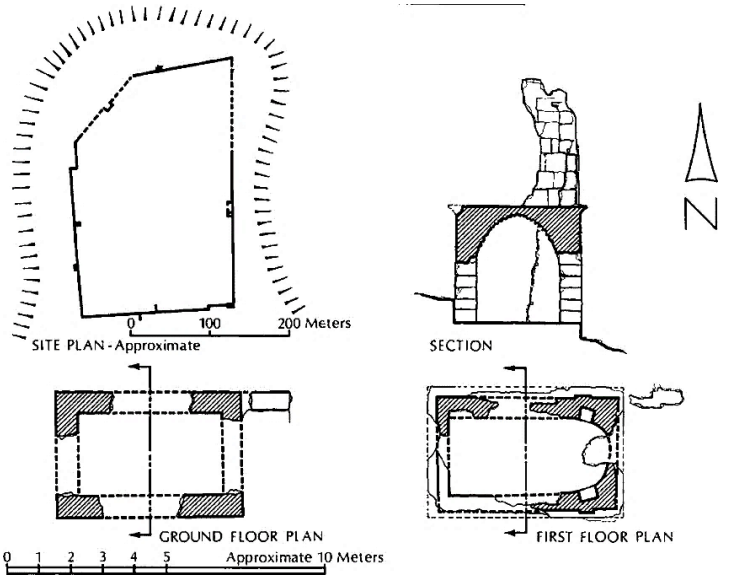

Ил. 1. План ворот и гипотетические планы церкви № 5 в Пернике.
Источник: Виноградов 2018, 253.

2) Единственный известный пример надвратной церкви на Балканах, на которую можно указать как на экземпляр византийской архитектуры, – это храм № 5 в Пернике (кон. XI – нач. XII в.), под западной частью которого находился проезд от крепостных ворот к главной улице города. «Точная форма надвратной церкви не известна, но, вероятно, она была купольной <…>. Датировка перникского надвратного храма указывает на его строительство во время византийского владычества, вероятно, под влиянием Константинополя» [Виноградов 2018, 253]. Как видим, по времени постройки этот храм не мог принадлежать к числу прототипов Золотых ворот Киева, да и по своей конструкции (ил. 1) – это явно *не* храм на воротах [ср.: Седов 2009, 551]. Постройка может быть отнесена к типу храмов, примыкающих к воротной башне, с общим проездом под ними.

3) В Малой Азии, по сообщению А. Ю. Виноградова, надвратные храмы могут быть зафиксированы только в одном – далеко не столичном – регионе, а именно в Понте, в крайней северо-восточной феме Халдия с центром

в Трапезунте. Имеются в виду «две надвратные церкви <…> в Бузлуджа Кале (Джанаер) в 30 км к востоку от Трапезунта», которые были расположены «над северными и южными воротами этого комплекса». От южной церкви сохранился только фрагмент наборного пола, поэтому о ней нельзя сказать ничего определённого; «от северной, отделённой от нижнего яруса карнизом, – северо-западный угол и вся восточная часть, включая невыраженную снаружи апсиду» (ил. 2). Упомянутый карниз может указывать на «кавказское влияние» [Виноградов 2018, 253–254]; действительно, Грузия и Армения – совсем неподалёку. Вполне возможно, что и южный надвратный храм, если он был, имел такой же план. «Весь комплекс Бузлуджа Кале, – пишет А. Ю. Виноградов, – представляет собой Халдский монастырь Спасителя в Сирменах, основанный <…> в конце IX в., не раньше какого времени датируются и его постройки. Ни одна из них точно не датирована» [Виноградов 2018, 254]. Вл. В. Седов предположительно относит их сооружение к X–XII векам [Седов 2009, 551].

Ил. 2. План Сирменского монастыря, план северных ворот, поперечный разрез северных ворот и храма, план по уровню северной надвратной церкви.
Источник: Виноградов 2018, 254.

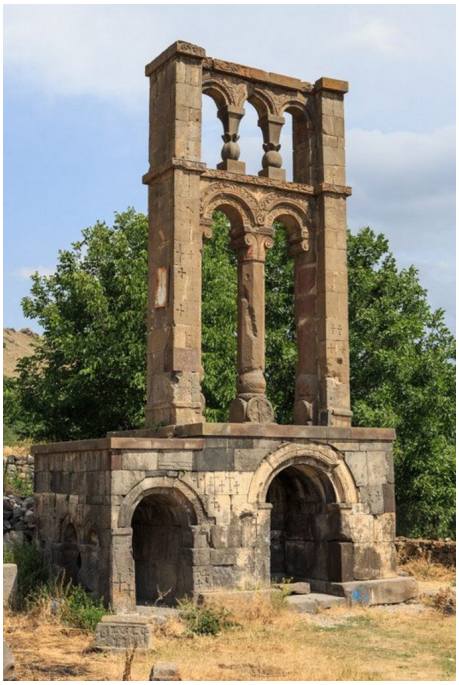
Итак, а) тип названных сооружений определяется достаточно условно; б) их датировка очень приблизительна; в) наконец, самое главное: Киев подражает Царьграду, а не провинциальному монастырю. Возвышенная сакральная идея для Ярослава и Илариона воплощена не в какой-то обобщённой и потому *абстрактной* конструкции (которая могла или не могла применяться где-то там или здесь, о которой они могли знать, а могли и не знать), а в *конкретном* городе – Константинополе как втором Иерусалиме с его вполне определёнными семиотическими маркерами. А в Константинополе *не было храма на воротах*.

Ил. 3. Руины Варзахана.
Источник: https://www.collectif2015.org/tr/100Monuments/Le-Couvent-Rouge-de-Varzahan/

4) Подобного типа «надвратное» сооружение обнаруживается на территории того же Понта; это не сохранившийся «надвратный храм в Варзахане близ Байбурта». На фотографиях конца XIX века (*ил.* 3) мы видим только его восточную стену, которая разрушилась, видимо, к 1913 году. Однако и по поводу этого храма существуют разногласия. Так, например, Жан-Мишель Тьерри «считал арку под храмом сводом нижней камеры двухэтажной погребальной церкви, типичной для армянской архитектуры»; А. Ю. Виноградов не соглашается с этим мнением: на старой фотографии, пишет он, «хорошо видна аккуратная лицевая кладка восточного края арки, исключающая возможность присоединения к ней стены, свода или апсиды; против этого говорит и двухуступчатая профилировка торца арки, и выравнивание по нему восточного края апсиды в верхнем ярусе» [Виноградов 2018, 255]. Заметим, однако, что такая форма облицовки арки вовсе не исключает возможности присоединения к ней стены с *внутренней* стороны; в этой стене могло быть окно (скорее всего) или даже дверь с порталом. И в таком случае мы видим не проездную арку, а первый ярус типичной церкви-усыпальницы (или церкви-кенотафа). Такого рода арку, кстати, мы можем наблюдать в нижнем ярусе армянского погребального мемориала в Агиту (*ил.* 4), сооружение которого относят к VII веку [Мнацаканян 1976, 226–228]; здесь она обрамляет собой вход в склеп, в то время как вторая, меньшая арка ведёт в боковую галерею[2]. Под такой же аркой расположен вход в трёхъярусную церковь Мцире Чиквани (X век) в грузинском монастыре Успения Пресвятой Богородицы в Мартвили (*ил.* 5).

[2] Согласно иной интерпретации, мы видим здесь «двухкамерную сводчатую усыпальницу», внешний декор которой позволяет датировать памятник «второй половиной VII в.» [Степанян 2008, 219–220].

Ил. 4. Руины усыпальницы в Агиту. VII в.
Источник: https://vstrokax.net/istoriya/pamyatniki-armyanskoj-arhitektury/.

Ил. 5. Храм Мцире Чиквани. Мартвили, Грузия.
Источник: https://www.pinterest.ru/pin/596375175633587316/.

Арка в нижней части варзаханской церкви, утверждает А. Ю. Виноградов, «может быть только проездом ворот, находившихся, очевидно, в стене (остатки последней хорошо читаются на фотографии Ермакова к югу от ворот и хуже – к северу)» [Виноградов 2018, 255]. Между тем на фотографии мы видим, почти без всякого сомнения, юго-восточный угол само́й церкви, а не часть какой-то оборонительной стены. К тому же, для въездных ворот это было бы крайне неудачное место, поскольку поверхность тут имеет поперечный уклон не менее 30°, и если площадку под небольшой храм ещё можно было выровнять без особого труда, то для подведения сюда дороги потребовались бы значительные и никак не объяснимые усилия. Так что вполне вероятно, что это действительно была церковь-усыпальница, построенная по той же схеме, что и Сурб Аствацацин в Егварде (не ранее 1301) или в Нораванке (1339), восходящие, в свою очередь, по мнению О. Х. Халпахчьяна, к «Пастушьей церкви» XI века в Ани [Яралов 1966, 260–261]. Возможно, церковь в Варзахане – это ещё более ранний вариант погребального храма (хотя однозначно не первый). Такого типа храм, нижняя часть которого предназначалась для помещения реликвии или усыпальницы[3], изображён, к примеру, на иконе XVI века «Положение ризы Богоматери» из Каргополя (ил. 6).

Ил. 6. Положение ризы Богоматери во Влахерне с избранными святыми. Средник. Собор Рождества Христова, Каргополь, XVI в. Вологодский музей-заповедник. Источник: http://prep-serafim.cerkov.ru/2019/09/13/polozhenie-chestnoj-rizy-presvyatoj-bogorodicy-vo-vlaxerne/.

[3] Об «иерусалимской» семантике армянских храмов-усыпальниц см.: Казарян 2009, 530–532.

А. Ю. Виноградов предлагает датировать понтийские храмы в Сирменах и Варзахане, которые он квалифицирует как надвратные, концом X века [Виноградов 2018, 257]; такая квалификация, как видим, не безупречна.

5) Наряду с Понтом, считает А. Ю. Виноградов, «традицию надвратных церквей, на сей раз зальных, можно проследить в Крыму». Древнейшее из таких сооружений было расположено поперёк арки главных ворот городища Эски-Кермен в Горном Крыму; от него сохранилась «только вырубленная в скале апсида на восточном откосе ворот» [Виноградов 2018, 257], то есть практически ничего. Хронология существования «храмика» (само слово, которым обозначено это сооружение, симптоматично: назвать его храмом не поворачивается язык), по-видимому, такова:

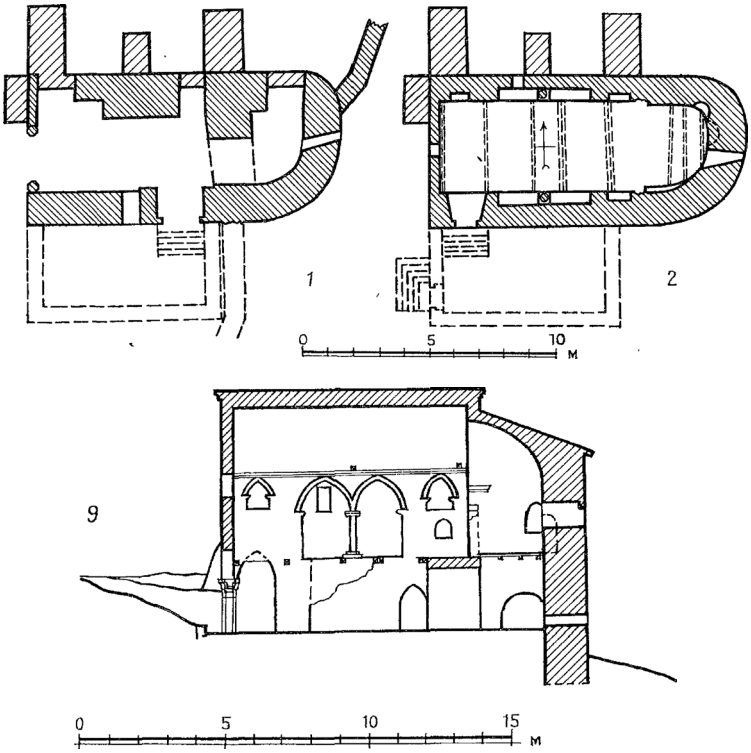
> «На первой, ранневизантийской стадии над вырубленным в скале проёмом ворот сооружается оборонительная башня, возможно, с боевой площадкой перед ней. На второй стадии, видимо, при хазарах, башня разбирается, а на месте возможной боевой площадки сооружается надвратный храмик – последнее логичнее датировать временем после восстановления византийской власти в Горном Крыму в 840-е гг. Наконец, после того, как этот надвратный храмик почему-то разрушился, к западу от него в XII–XIII вв. был сооружён аналогичный по размеру и просуществовавший до гибели городища в конце XIII в. храмик с усыпальницей. Последняя вводит его в комплекс других церковных погребальных сооружений у главных ворот, развивающийся с VIII–IX вв.» [Виноградов 2016, 175–176].

Итак, «храмик», от которого осталась лишь выемка в скале, был сооружён после разборки воротной башни, «видимо», при хазарах и, «вероятнее всего», после восстановления власти Византии; «если» он построен под влиянием ворот Халки, то это случилось не ранее середины X века [Виноградов 2018, 257]; он был «скорее каменным, чем деревянным» [Виноградов 2016, 175]; в конце концов, он «почему-то» разрушился. Иначе говоря, всё его устройство и вся его хронология *основаны на предположениях*. И даже сменивший его более поздний храм (уже совершенно точно *не* надвратный) датируется весьма приблизительно[4]. «Отметим, – добавляет А. Ю. Виноградов, – что храм окружён скальными погребениями, функционально сближающими его с Халкинским храмом – усыпальницей Иоанна Цимисхия [Виноградов 2018, 257]. Скорее, из этого надо делать вывод об очевидной связи данного сооружения именно «с погребальным комплексом» [Виноградов 2018, 267], то есть о том, что «храмик» был не надвратным, а погребальным, как и его вероятный столичный прототип.

6) А. Ю. Виноградов упоминает также церковь в крымской крепости Фуна, относя её «к поздневизантийскому времени». Это храм «с продольной ориентацией наоса», перестроенный из воротной башни и снабжённый «богато орнаментированной метрической надписью с гербами» [Виноградов 2018, 257]. По поводу храма из Фуны я уже высказывался [Аванесов 2019,

[4] О трудностях датировки крымских архитектурных памятников, в том числе из Эски-Кермена и Мангупа, см.: Хрушкова 2004, 175–180.

130]; тем не менее, следует уделить ему дополнительное внимание с точки зрения его типологии и семантики.

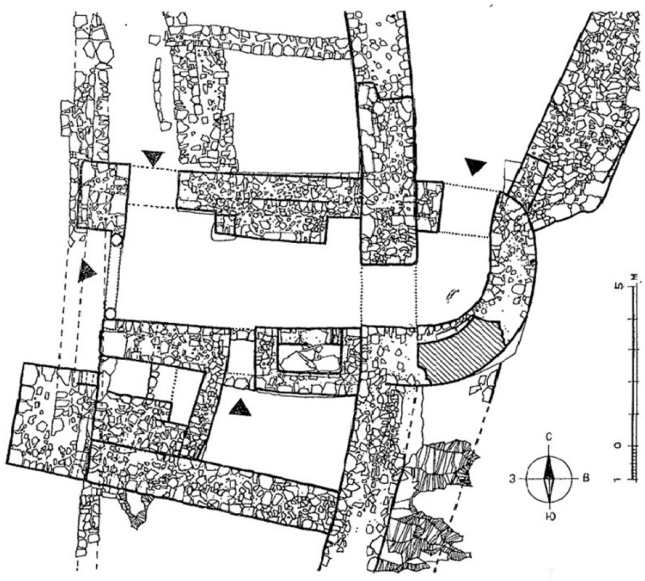

Ил. 7. Ворота и надвратный храм крепости Фуна.
План нижнего и верхнего этажей; продольный разрез.
Источник: Кирилко 1989, 65, 68.

Крепость Фуна была построена в XIV в. по заказу князей Феодоро, «владетелей Горного Крыма» [Виноградов 2018, 257], и служила важным стратегическим пунктом, контролирующим главный путь из степной части полуострова к морю. Именуется замок по греческому названию поселения, находившегося рядом. Церковь св. Феодора Стратилата [Мыц 1991, 34] расположена в восточной части укрепления и является одной из доминант замка. Её размеры: длина – 14,4 м, ширина – 6,8 м, высота до конька крыши – около 9 метров [Кирилко 1989, 62–63; ср.: Мыц 1991, 151]. Археологические находки 1980-х годов позволили датировать храм 1459 годом [Мыц 1991, 151]. Он был действующим до 1778 года. В 1927 г. верхний этаж рухнул во время землетрясения, а местные жители превратили руины в каменоломню. К началу раскопок 1980-х годов от церкви сохранялась лишь часть апсиды «до основания конхи» [Кирилко 1989, 63–66]. Реконструкция первоначального вида постройки «не представляет особых затруднений»: это была обычная для архитектуры Крыма небольшая однонефная одноапсидная церковь, прямоугольная в плане (ил. 7); она была выстроена над входом в крепость, частично включив в себя уже находившиеся здесь сооружения

[Кирилко 1989, 67]. В частности, апсида храма была устроена на руинах бывшей входной башни полукруглой формы. Алтарь помещался на втором этаже церкви [Мыц 1991, 28].

Однако постройка храма на входной башне сразу же понизила уровень обороноспособности на данном участке. Церковь не только разорвала крепостную стену, сделав невозможным контакт обороняющихся друг с другом, но и создала значительную слепую зону перед стеной, которую нельзя было простреливать. Это, конечно же, было заранее понятно проектировщикам и строителям храма. Поэтому, дабы компенсировать ущерб, наносимый обороноспособности укрепления, в ходе возведения церкви к её апсиде с севера была пристроена «дополнительная мощная оборонительная стена толщиной около 3 м», в результате чего «ранее выступавшая апсида оказалась почти полностью утопленной в новую линию обороны» [Кирилко 1989, 66], а надвратное положение церкви сразу же стало достаточно условным (ил. 8). Сами ворота пришлось перенести на 16,5 м к северу, а вход в храм со стороны апсиды оказался в южном конце каменного захаба [Мыц 1991, 151]. Таким образом, церковь в Фуне была расположена полностью во внутреннем пространстве замка. Такого рода сооружение, конечно, нельзя прямо отнести к храмам на входных воротах, однако её надвратный (в широком смысле) характер очевиден. К такому же типу храмов можно отнести, например, Свято-Троицкую (первоначально Свято-Сергиевскую) церковь в звенигородском Саввино-Сторожевском монастыре (1651) и церковь св. Николая Чудотворца в Псково-Печерском монастыре (1654).

Ил. 8. Фуна. Надвратный храм и внешняя стена крепости. План.
Источник: Кирилко 1989, 68.

Функционально-типологическая квалификация здания фунской церкви представляется затруднительной по двум аспектам – по местоположе-

нию и по конструкции. Во-первых, встроенная в оборонительный пояс, она как будто не имеет очевидного защитного значения. Понятно, что решение о постройке храма не было напрямую обусловлено оборонительными целями. «Включение церкви в систему обороны не было связано с усилением обороноспособности укрепления. <…> Следовательно, мотивы строительства храма в нашем случае должны быть другими» [Кирилко 1989, 66]. Остаётся определить, какими были эти мотивы. Во-вторых, «тип маленького однонефного одноапсидного храма с прямоугольным планом» был достаточно распространён в средневековой архитектуре Крыма; однако церковь в Фуне, принадлежа к указанному типу, имеет «необычное объёмно-плановое решение» [см.: Кирилко 1989, 63–66], будучи двухъярусной с проездом в нижней части. Такая композиция – явление не только «редкое» [Мыц 1991, 28] и даже, может быть, единственное в средневековой архитектуре Крыма, но и уникальное в византийской строительной традиции в целом [Кирилко 1989, 67]. В то же время этажные, вертикально расчленённые храмы присутствуют в архитектуре Кавказа, ближайшего к Крыму культурного региона; они особенно характерны для Армении, где появляются уже в раннехристианский период. Многоярусные культовые постройки являются одной из традиционных форм средневековой армянской архитектуры, а их возникновение и распространение в значительной степени мотивировано канонами Армянской церкви. В специальной литературе отмечается, что

> «своими корнями проблема двух ярусов мемориальных памятников уходит в то время, когда Сааком Партевом были сформулированы каноны Армянской церкви, определившие социально-политический облик Армении после принятия христианства. В отличие от Византии, где разрешалось хоронить видных представителей духовенства и феодальной знати внутри храмов (или внутри приделов, как это практиковалось в Сирии), Армянская церковь запрещала захоронения внутри культовых сооружений. <…> Вследствие этого <…> двухъярусные усыпальницы получили, в отличие от Сирии и Византии, широкое распространение в армянском зодчестве» [Мнацаканян 1976, 214].

Один из древнейших христианских мартириев Армении – усыпальница Рипсиме – изначально (первая пол. IV в.) был выстроен как раз в форме «вытянутого прямоугольника с апсидой», то есть выглядел в принципе так же, как храм в Фуне; позже, в 618–630 гг., над этой усыпальницей был надстроен башнеобразный объём, завершённый «балдахином на четырёх квадратных столпах» [Мнацаканян 1976, 222–223]. Параллели между мемориальной архитектурой Армении и крымской крепостной церковью не покажутся натянутыми, если иметь в виду, что «фунский надвратный храм был построен, судя по всему, армянскими мастерами» [Виноградов 2018, 257]. Участие армянских строителей в возведении храма не отмечено в известных нам письменных источниках; однако «архитектурный анализ позволяет выделить ряд особенностей сооружения, не характерных для греческой и генуэзской архитектуры, но соотносимых с армянским зодчеством» [Кирилко 1989, 67]. В частности, западный вход выполнен в формах, характерных для армянской архитектуры; капители входных колонн «со срезан-

ными углами» являются традиционным признаком армянского зодчества; южный вход украшен балкой с орнаментом в армянском стиле. В оформлении экстерьера храма было использовано также рельефное изображение процветшего креста «в плетёной рамке», то есть классический армянский хачкар. Кроме того, на южной колонне входа обнаружена авторская метка в виде армянской буквы Բ («бен») [Кирилко 1989, 67–71]. Итак, налицо армянский архитектурный «след», который препятствует однозначному отнесению храма к *византийской* традиции.

Ещё в XIX веке А. Л. Бертье-Делагард обратил внимание на «явно армянский стиль» фунского храма. О. И. Домбровский в середине 1960-х гг. определил стиль церкви как «армяно-малоазийский», а само фунское укрепление идентифицировал как монастырь. С другой стороны, А. Л. Якобсон утверждал, что церковь была построена в XVII веке и что ничего армянского или византийского в ней нет [Кирилко 1989, 63–66]. Видимо, можно говорить о том, что сама «схема» многоярусного храма-усыпальницы имеет армянское происхождение, а его конструкция была в большей или меньшей степени адаптирована к условиям и традиции Крыма. При этом нельзя отрицать, что армянские зодчие имели прямое отношение к разработке и возведению церкви в Фуне:

> «Армянская архитектура в средневековом строительстве Крыма получила специфически крымское провинциальное преломление, став при этом самобытным явлением. <…> Приняв за основу композицию двухэтажного храма-мартирия и используя характерные армянские формы, само здание всё же выстраивают в обычной для того времени технике – из бутового с лицевой подтёской камня на известковом растворе. В то же время достаточно отчётливо, хотя и несколько рудиментарно, в архитектонике храма проступают черты собственно армянской строительной техники». Стены второго этажа внутри и снаружи были облицованы туфом, «что значительно роднит постройку с храмами Армении». Храм покрыт каменной черепицей. «Кровля из каменной черепицы в крымской средневековой архитектуре – явление редкое и известно только на армянских постройках». Итак, «отмеченный исследованием значительный армянский компонент в архитектуре надвратной церкви укрепления Фуна позволяет считать эту постройку армянской, выполненной при непосредственном участии армянских мастеров в 1459 г.» [Кирилко 1989, 71–72].

Какова, однако, смысловая связь между надвратным храмом крымского замка и ярусными усыпальницами Армении? Понятно, что заимствование специализированной архитектурной «схемы» скорее всего было связано как раз с этой «погребальной» специализацией. Действительно, археологи обнаружили в южной части нижнего этажа фунской церкви аркосолий с погребальной камерой (костницей) [Кирилко 1989, 67; Мыц 1991, 28]. Захоронение не сохранилось, однако «связь его с постройкой храма в столь неудобном месте несомненна» [Кирилко 1989, 67]. Иначе говоря, фунская церковь была возведена *над* этим захоронением. Значит, церковь функционировала в качестве проездного (а следовательно, и оборонительного) сооружения в едином ансамбле с захабом и внешними воротами замка и одновременно служила усыпальницей, сочетая две функции: «оборонительную

и культовую» [Мыц 1991, 28]. Наличие апсиды в первом ярусе храма формально позволяло использовать этот ярус, условно говоря, в качестве мартирия, где могли происходить поминальные службы [см.: Мнацаканян 1976, 221–222, 225]; однако наличие сквозного прохода через первый ярус делает такое предположение маловероятным. Верхняя часть постройки использовалась как обычный храм, предназначенный для регулярных богослужений.

Как видим, церковь в Фуне сочетает в себе и наглядно выражает значения, связанные с христианской верой (форма и доминирующий статус постройки) и поминовением умерших (храм-надгробие). Надвратная конструкция придаёт ей дополнительные семиотические характеристики: покровительство свыше и освящение внутреннего пространства замка. Посвящение храма вполне соответствует его оборонной функции, расширяя понятие защиты в сторону представлений о небесном заступничестве.

Ясно, что фунская церковь, будучи достаточно поздним сооружением, никак не могла служить прототипом для русских надвратных храмов. Ко времени её создания на Руси было построено уже около тридцати таких храмов, и с момента освящения первого из них прошло не менее 400 лет.

7) Между эски-керменским «храмиком» и фунской церковью хронологически может быть помещено ещё одно крымское сооружение. Поскольку о прямом подражании Фуны Эски-Кермену «не может быть и речи, так как последний погиб ещё до конца XIII в.», постольку, по словам А. Ю. Виноградова, своеобразным переходным «мостиком» между храмами Эски-Кермена и Фуны мог быть «известный только по письменному свидетельству храм над городскими воротами Мангуп-Кале в Горном Крыму». Эта постройка упоминается в «Сказании о городе Феодоро», написанном пресвитером Матфеем вскоре после 1396 г. Автор «Сказания» восклицает: «Кто <…> опишет <…> портики, несущие на себе столпы четырёхугольные и удивительное строение, а сверху – крышу в виде храма, весьма соответствующего, как увидел я из его очертаний?». А. Ю. Виноградов признаёт: «Ни форма, ни датировка церкви нам не известны, но предшествующее описание городских ворот, имевших “портики … столпы четырёхугольные”, говорит о монументальности всей постройки. Отметим, что подобно эски-керменскому надвратному храму, около мангупского тоже были многочисленные скальные могилы. Важно, что храм сохранялся после разорения Мангупа – столицы Феодоро, в 1396 г. и, следовательно, мог послужить образцом для Фуны, резиденции феодоритских правителей, в 1459 г.» [Виноградов 2018, 257–260]. Как видим, и здесь «ни форма, ни датировка» неизвестны. Да и *крыша в виде храма* – это ведь не церковное здание. Так что весьма сомнительно, что речь тут вообще идёт о храме.

В целом трудно согласиться с тем, что архитектура византийского Крыма транслировала какие-то *столичные* образы, формы и приёмы. Скорее, влияние тут было провинциальным (Сирия, Каппадокия, Армения) с сильным местным колоритом [см.: Хрушкова 2004, 191–192], посему на эти экземпляры вряд ли стали бы ориентироваться строители «Нового Константинополя» на Днепре.

Приходится делать вывод, что все суждения о генезисе надвратного храма в рамках византийской архитектурной традиции выглядят как мини-

мум неубедительно. Ещё менее убедительным выглядит предположение о влиянии этой мнимой традиции на раннее русское зодчество.

Не удаётся обнаружить прототип русских надвратных церквей и на Афоне. Здесь храмы, расположенные на монастырских границах, обычно спрятаны *внутри* башен, в том числе и проездных. Такие церкви и часовни (параклисы) лишь с большой натяжкой можно было бы признать «ближайшими аналогами» русских надвратных храмов [Выголов 1994, 24–25]; разница же между теми и другими весьма существенна[5]. Афонские (и балканские) параклисы «никак не были выявлены во внешнем облике башни» [Трифонова 2005], в то время как русские надвратные храмы принципиально выставлены напоказ, помещаясь на вершинах воротных башен или включая проездные ворота в свои подклеты. Спрятанные в башнях часовни и храмы служили исключительно для молитв и богослужений; надвратный же храм, не теряя своего литургического назначения, призван был исполнять в первую очередь *семиотическую* функцию.

Однако В. П. Выголов выдвинул предположение, что у русских надвратных храмов имеется один (единственный) афонский прототип: надвратный храм монастыря Иверон.

> Когда прибывшую морем Иверскую икону Богородицы не удалось устроить в обычном храме, её, как пишет В. П. Выголов, «оставили на воротах, соорудив затем для неё надвратный храм во имя Богоматери Портаитиссы, т. е. Вратарницы. Согласно сказанию, это событие произошло где-то на рубеже X–XI вв., что для нас представляет особый интерес, так как оказывается предшествующим первым древнерусским надвратным храмам. <…> Поэтому есть основания предполагать, что данный факт мог повлиять на возведение церкви Благовещения на Золотых воротах Киева. Тем более что на Афоне в начале XI в. побывал Антоний, основатель Киево-Печерского монастыря. <…> К сожалению, мы точно не знаем, какова же была архитектура этой надвратной церкви Иверского монастыря, до наших дней не сохранившейся. Иначе говоря, представляла ли она самостоятельное храмовое здание, водружённое на ворота, или находилась внутри башни с воротным проездом внизу». Когда башня обветшала, её разобрали, «возведя в 1680 г. возле ворот небольшой храм, где и стоит икона» [Выголов 1994, 26–28].

Увы, «предположение о том, что первый надвратный храм появился <…> в афонском Иверском монастыре, повлиявшем затем на Русь <…>, базируется на недоразумении»: над монастырскими воротами первоначально была установлена икона Богоматери Портаитиссы, но не храм для неё, «который был построен значительно позже *рядом* с воротами» [Виноградов 2018, 266] (ил. 9). Иверская икона была выставлена на главные врата (ἡ πόρτα), не будучи заключённой ни в какое надвратное сооружение [см.: Толстая и др. 2009], а затем была помещена «в привратном небольшом храме» второй

[5] В перечень таких храмов, «спрятанных» внутри воротных башен, можно включить надвратную часовню в проездной башне-колокольне монастыря Студеница в Сербии (XIII в.), а также церковь Алексия человека Божия (1883) в Красной башне Саввино-Сторожевского монастыря.

половины XII века [Евсеева, Шведова 2011, 70]. Поэтому мы можем утверждать лишь то, что в Иверoне находилась и находится «привратная церковь Богородицы Вратарницы (Портаитиссы), одноглавный храм “на четырёх колонках”», выстроенный в средневизантийскую эпоху и перестроенный «при валашском господаре Иоанне Кантакузине в 1680–1683 гг.» [Седов 2009, 566], а вовсе не надвратная церковь или часовня.

Ил. 9. Храм Иверской иконы Божией Матери. Афон, Иверский монастырь, XII в. Источник: https://naafone.ru/shrines/monastyri-afona/svyatoy-monastyr-iveron/.

Можно лишь предположить, что афонский *образ* Богородицы-Вратарницы в русской раннехристианской культуре был соединён с *образом* Золотых ворот Иерусалима (затем и Константинополя), и русский Богородичный храм-врата, символизирующий собой и Иерусалим, и Пресвятую Деву, является результатом и концептуальным выражением синтеза этих образов.

Вл. В. Седов указывает на то, что в Великой Лавре на Афоне существует надвратная церковь св. Иоанна Крестителя – «небольшой купольный храм, стоящий над внутренними воротами обители»; датировка этого сооружения неизвестна, но, «судя по характеру кладки, <…> он принадлежит к поздневизантийскому времени, к XIII–XIV вв.» [Седов 2009, 566]. Однако это не храм над входным проездом, а храм *на галерее* (ил. 10), подобный церквам в Гелати, Бачкове и, возможно, Лорше. Более того, «надвратная» церковь св. Иоанна в Великой лавре на Афоне «относится к поствизантийскому времени» [Виноградов 2018, 250], а значит, никак не может фигурировать в списке прототипов киевских Золотых ворот.

Ил. 10. Великая лавра, Афон, Греция. Храм св. Иоанна Крестителя.
Источник: http://afon-oros.ru/monastery/monastery-001.shtml.

Ил. 11. Монастырь Филофей, Афон, Греция. Надвратный храм.
Источник: https://monastery.ru/zhurnal/bog-i-chelovek/ne-vse-dary-ot-boga/.

Надвратный храм на Афоне сегодня можно обнаружить в монастыре Филофей (*ил.* 11). Этот монастырь основан в 982 году; однако каменные

сооружения возводятся в нём только с 1752 года. В 1871 г. практически весь монастырь был уничтожен пожаром (кроме кафоликона, трапезной и библиотеки)[6]. Следовательно, существующий надвратный храм сооружён уже после 1871 года.

Как видим, христианский Восток не даёт ни одного сооружения, которое можно было бы признать конструктивным и семантическим образцом для храма Благовещения на Золотых воротах – первого надвратного храма Руси.

***

В свою очередь, для христианского Запада ситуация с наличием или отсутствием надвратных храмов выглядит весьма туманной и требует специального прояснения. Есть предположение, что в средневековой Европе широко распространённый культ архангела Михаила выражался, в частности, в том, что «в монастырях ему часто посвящались небольшие надвратные храмы и капеллы над главными порталами церквей: архангел стоял на страже» [Воскобойников 2014, 307]. Не очень понятно, насколько это было «часто» и можем ли мы называть те сооружения, которые здесь упоминаются, *надвратными* храмами. Трудно считать прототипом русских надвратных церквей, пишет А. Ю. Виноградов, конструкцию «над западным порталом храма (например, в Сан-Пьетро-ин-Ватикано, Клюни II, Сен-Филибере в Турнюсе): они относятся скорее к категории приделов на хорах» [Виноградов 2018, 265]. Так, капелла архангела Михаила в Турню (XI–XII вв.) – это всего лишь верхний этаж притвора монастырской базилики в аббатстве Сен-Филибер; её можно считать «дополнительной часовней» [см.: Губер 1966, 59, 110–111], пристроенной к основному объёму собора. Надвратные храмы в более или менее точном смысле слова появляются в начале XII в. в Германии; самый ранний пример такой постройки – капелла св. Михаила над внутренними воротами монастыря в Гросскомбурге (ок. 1125 г.). С середины XII века «церкви появляются и над оборонительными воротами германских замков и дворцов <…> в Донауштауфе, Гельнхаузене, Вильденберге, Хагенау, Трифельсе, Мюнценбурге»; часть этих сооружений, видимо, была реликвариями [Виноградов 2018, 265–267]. Возможно, это и так. Однако остаётся вопрос о символической функции таких построек и о наличии или отсутствии их семиотической связи с теми воротами (проходами), на которых они размещались.

Что касается каролингской постройки в Лорше близ Вормса, которую было бы заманчиво посчитать «первым образцом» надвратного храма в Центральной Европе, то «она никогда не была частью стены и потому относится не к надвратным церквям, а к храмам над “галереями”» [Виноградов 2018, 265], являясь наиболее ранним сохранившимся экземпляром таких сооружений. Более того, вряд ли эта постройка (ил. 12) изначально возводилась в качестве храма.

[6] Информация на сайте монастыря: https://web.archive.org/web/20160311083449/http://www.mountathos.gr/active.aspx?mode=en%7Bde0448bb-8520-4b37-bfe3-85d8bf80826d%7DView.

Ил. 12. Зал-капелла на проездной трёхпролётной арке. Лорш, Гессен.
Источник: https://www.kloster-lorsch.de/.

Зал на воротах (die Torhalle) был построен в течение IX века (от 800 до 880 г.)[7] в имперском аббатстве Св. Петра, основанном в 764 году и знаменитом своими скрипторием и библиотекой, а также траволечением. В 774 г. был освящён первый монастырский собор в честь св. Назария; к его апсиде позже была пристроена капелла, служившая усыпальницей немецким Каролингам. Вход в атриум этой несохранившейся церкви и был оформлен с помощью «надвратного зала» [Губер 1966, 59], ныне относимого к наиболее впечатляющим образцам Каролингского возрождения, в котором переплелись и синтезировались античная, византийская и средневековая архитектурные традиции [ср.: Кавтарадзе 2016, 297]. Зал возведён на трёхпролётной арочной конструкции, восходящей к римской триумфальной арке [Meißner 1972, 40]. Детали строительной техники, подробности планировки и декора указывают на галльские прототипы и заставляют предполагать участие зодчих из Южной Галлии [Губер 1966, 59]. Видимо, тут можно отметить и некоторое влияние, оказанное на каролингское зодчество архитектурой Рима и Равенны [Нессельштраус 1964, 60], но скорее в деталях, чем в композиции. Очевидное влияние Равенны (Сан-Витале) на каролингскую архитектуру можно видеть в форме и семантике имперской капеллы в Аахене.

[7] С. Кавтарадзе относит его сооружение к началу X века [Кавтарадзе 2016, 299].

Ил. 13. Дирк Боутс Старший. Мадонна с ангелами. Ок. 1469.
Гранада, Королевская капелла.
Источник: https://govza.ru/2016/03/18/dirk-bouts-starshiy-ok-1415-1475/

Надвратный зал-капелла в Лорше – эстетически безупречное и «нарядное» [Кавтарадзе 2016, 299] сооружение. Проездные арки нижнего яруса обрамлены каменными гладкими полуколоннами с римскими композитными капителями; архитектурный декор наружных стен второго яруса отчётливо свидетельствует о влиянии деревянного зодчества: тесно поставленные плоские каннелированные пилястры, опирающиеся на узкий карниз с условно-растительным орнаментом, соединены между собой линией щипцов, образующих ломаный зигзагообразный фриз; облицовка стен, выполненная в инкрустационной технике (квадраты на первом ярусе, шестиугольники на втором), «напоминает наборные и резные ларцы» [Губер 1966, 59] или шкатулки-мощевики. С севера и юга капелла фланкирована двумя примыкающими симметричными апсидами, в которых расположены винтовые лестницы [Meißner 1972, 40]. Изображение подобного рода постройки (только с одной проходной аркой) можно видеть на картине Дирка Боутса Старшего «Мадонна с ангелами» (ок. 1469); здесь в левой верхней четверти показано сооружение, напоминающее по своей конструкции одну из трёх секций лоршского «зала» с башнеобразной боковой апсидой (ил. 13). Похожим образом выстроен и так называемый «крутицкий теремок» на Патриаршем подворье в Москве (1693–1695), имеющий в нижнем ярусе два арочных проезда.

Исходное назначение второго этажа лоршского сооружения остаётся неясным. Возможно, в нём располагалась библиотека; может быть, он использовался в качестве «имперской резиденции», а всё сооружение в целом, не будучи фортификационной постройкой, исполняло роль своеобразной архитектурной репрезентации королевской власти (kaiserliche Repräsentationsarchitektur) [Meißner 1972, 40], то есть несло на себе по преимуществу *семиотическую* нагрузку. Лишь с XII века второй ярус функционирует как капелла Архангела Михаила [Губер 1966, 59], то есть приобретает ещё и сакрально-охранительную функцию. Таким образом, капелла была не *построена* на воротах, а *размещена* в уже возведённой надвратной постройке.

Ил. 14. Бачковский монастырь. Храм «Святые Архангелы».
Источник: http://fotokto.ru/photo/view/6623076.html.

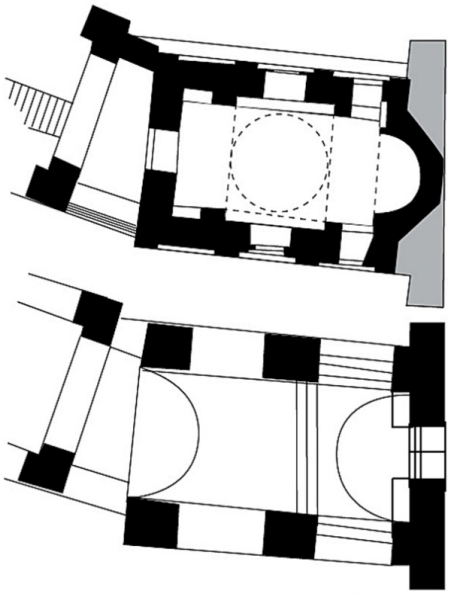
Собственно средневековый *храм* на галерее мы встречаем, похоже, только в Восточной Европе и только в единственном экземпляре. Это храм Святых Архангелов в Бачковском монастыре «Успение Богородично» в Болгарии. Вл. В. Седов именует его «надвратным» [Седов 2009, 567], А. Ю. Виноградов же относит его к типу храмов «над галереями» [Виноградов 2018, 250, 253, 265], в которых никогда не было ворот. По своей конструкции это однонефный, одноапсидный [Куюмджиев и др. 2018, 496] бесстолпный купольный храм типа «компактный вписанный крест» с притвором [Седов 2009, 567], развёрнутым относительно продольной оси его основного объёма (ил. 14). Всё сооружение смотрится как двухэтажная церковь, нижний уровень которой занимает проходная арочная галерея, а второй этаж образует собственно храм (или, в отношении к собору, – параклесион) в честь архангелов Гавриила и Михаила.

Бачковский монастырь был основан в 1083 году. Основатель монастыря и автор его Устава – византийский чиновник высшего ранга (севаст, σεβαστός) грузин Григорий Бакуриани [Геров 2007, 78], или, по другому чтению, Пакуриани [Лазарев 1986, 108], или даже Пакурян [Куюмджиев и др. 2018, 497]; последнее прочтение даёт повод относить его не к грузинской, а к армянской [Цапенко 1953, 142] византийской знати. Через три года после образования монастыря его основатель погиб в бою с павликианами и их союзниками печенегами и был погребён в монастырском соборе.

А. Ю. Виноградов относит постройку храма Святых Архангелов к XIII веку [Виноградов 2018, 253], Вл. В. Седов – к XIII–XIV вв. [Седов 2009, 567], Ст. Бояджиев – к XVII веку [см.: Геров 2007, 87]. Однако большинство исследователей считают, что храм был построен в конце XI или начале XII века [Куюмджиев и др. 2018, 497]. Георгий Геров [Геров 2007, 78] прямо связывает возведение церкви с деятельностью Алексея I Комнина (1081–1118) в период его борьбы с пловдивскими еретиками. Сооружение храма в память о погибшем севасте было для императора не просто воздáнием посмертных почестей погибшему соратнику, но ещё одним актом борьбы против еретиков.

> «Именно эта идея предопределила посвящение построенного Алексеем храма, как и необычный вид этого сооружения. Храм был посвящён архангелам – выбор, в ту пору часто связывавшийся с погребальной функцией. Достаточно вспомнить церковь архангела Михаила в константинопольском монастыре Христа Пантократора, предназначавшуюся для погребения представителей династии Комнинов. Кажется, что в Бачкове выбор посвящения имел и другое, более конкретное значение: в сознании монахов и императора погибший в борьбе за истинную веру Григорий Бакуриани уже за одно это был причислен к небесному воинству» [Геров 2007, 78].

Итак, по мнению Г. Герова, церковь Святых Архангелов «имела поминальный характер», с одной стороны, не являясь усыпальницей Григория Бакуриани, похороненного в монастырском кафоликоне, с другой стороны, плотно примыкая к собору с гробницей и образуя с ним единый мемориальный ансамбль, «классическое двухэтажное погребальное сооружение». В верхней части этого сооружения «совершалась основная часть поминальных служб» в память основателя Бачковского монастыря [Геров 2007, 78–81]. Согласно иному взгляду, мемориальная функция храма является сомнительной; скорее, это был параклис, устроенный по типу «дополнительное пространство», функционирующий как продолжение кафоликона и предназначавшийся «да допълва ежедневните богослужебни ритуали, извършвани в Бакурионата главна църква» [Куюмджиев и др. 2018, 495–496]. Однако в таком случае неясно, для чего надо было строить эту «дополнительную» капеллу именно на галерее. Другими словами, ярусный характер храма, как говорилось выше, может указывать как раз на его *мемориальную* функцию. Можно сказать определённо, что никакого отношения к композиции «храм на парадных въездных воротах» и, соответственно, к иерусалимской символике данное сооружение не имеет.

Ил. 15. Бачковский монастырь. Храм «Святые Архангелы».
План храма и первого этажа.
Источник: Куюмджиев и др. 2018, 495.

Сейчас, насколько это возможно, история храма восстанавливается следующим образом [см. Куюмджиев и др. 2018, 496–497]: первоначально, одновременно со старым кафоликоном, была построена галерея, соединявшая его с западными постройками монастыря; затем, в конце XI – начале XII в. на этой галерее был воздвигнут храм[8], расписанный в XIV веке при царе Иване Александре; в начале XVII в., когда был построен новый кафоликон (1604), восточная часть храма (большая часть апсиды) оказалась «погружённой» в нартекс монастырского собора (ил. 15); видимо, тогда же был построен и нартекс храма Архангелов. Так сложился ансамбль, включающий в себя церковь «на галерее».

[8] Можно выдвинуть два аргумента в пользу тезиса о разновременной постройке галереи и храма на ней. Во-первых, их поперечные размеры не совпадают: нижняя часть сооружения шире верхней. Во-вторых, они сложены из разного материала: галерея из «ломени камъни», а сам храм – из каменных блоков вперемежку с рядами кирпичной кладки [Куюмджиев и др. 2018, 496]. Однако то и другое могло входить в изначальный замысел *единого* здания; тогда второй этаж смотрится как переход от каменной галереи к кирпичному барабану. «Подобное различие, – указывает А. И. Комеч, – обычно для памятников XI в., где камень значительно активнее употребляется в нижних частях, а по мере высоты кладка в основном становится плинфяной» [Комеч 2007, 175]. Такой порядок кладки стен сохраняется в балканской архитектуре и в XIV веке; ср., напр., церковь св. Георгия (1312–1313) в Старо-Нагоричино [Воронова 2019, 44]. Кроме того, галерея уже *заранее* должна быть рассчитана и построена так, чтобы выдержать массу стоящего на ней храма.

По своей композиции эта церковь практически совпадает с построенным несколько позже храмом святого Николая в грузинском монастыре Гелати недалеко от Кутаиси (ил. 16); это «небольшой надвратный <…> купольный бесстолпный храм типа “компактный вписанный крест”» [Седов 2009, 567]. Здесь галерея-постамент значительно шире самого храма (граница между ними подчёркнута резко обозначенным карнизом), а кладка нижней части тоже отличается от верхней – внизу более грубая, вверху более ровная. Храм входит в ансамбль Гелатского монастыря, который начал создаваться царём Давидом IV Строителем в 1106 году в качестве крупнейшего культурного центра [Беридзе 1948, 64–65]. В монастыре действовала Академия, в нём трудились крупнейшие учёные Грузии (в частности, философ Иоанэ Петрици); кроме того, монастырь стал усыпальницей грузинских царей, и сам Давид Строитель похоронен в его южных воротах [Крашенинникова и др. 2010]. Видимо, состав и вид монастырского ансамбля был спланирован самим царём [Яралов 1966, 358], а затем реализован его наследниками.

Ил. 16. Гелати. Храм св. Николая и колокольня. Фото: Александр Липилин. https://lipilin2010.livejournal.com/164791.html

Храм в честь святого Николая сооружён, «судя по архитектуре, в конце XIII – начале XIV в.» [Седов 2009, 567; ср.: Крашенинникова и др. 2010] между Академией и собором Рождества Богородицы. Он органично входит в целостный ансамбль монастыря, выстроенный по осевой линии кафоликона, замыкая эту линию с запада; с востока её замыкает храм св. Георгия Победоносца [см.: Меписашвили, Цинцадзе 1977, 30–36; Беридзе 1948, 66]. Это «небольшое двухэтажное здание, где нижний, прямоугольный в плане и перекрытый коробовым сводом этаж открыт во все стороны арками, а верхний представляет собой купольную церковь типа свободного креста, рукава которого едва намечены, с одной гранёной апсидой. <…> Вокруг

храма существовал обход, покрытый позже железной крышей на деревянных стропилах. С северной стороны вдоль стены здания на двух глубоких полуциркульных арках возведена каменная лестница более позднего времени» [Крашенинникова и др. 2010]. Двухэтажное здание смотрится как подчёркнуто вертикализованная трёхъярусная постройка (арочный пьедестал, основной объём храма, барабан с коническим куполом), утончающаяся снизу вверх и как бы «приподнимающаяся» от земли к небу.

По своей композиции гелатский храм св. Николая представляет собой уникальное явление в грузинской архитектуре. Лишь в очень отдалённое соответствие ему можно поставить упомянутый выше храм Мцире Чиквани (притом, что нижний ярус церкви в Мартвили не является проходной галереей); иных, даже приблизительных, аналогий ему в Грузии не находится [ср.: Крашенинникова 2003]. Можно, конечно, предполагать, что конструкция храма связана с его положением в ансамбле монастыря – между кафоликоном и зданием академии: проход под церковью св. Николая физически облегчает попадание из Академии в собор. Однако обойти такое небольшое здание не составляет труда; к тому же это предположение выглядит малоубедительным в свете того факта, что нигде и никогда такая «альтруистическая» конструкция в ансамблях монастырей больше не применялась. Можно было бы заподозрить наличие стены между Академией и собором, а храм квалифицировать как надвратный, но этому подозрению противоречит открытость галереи храма на четыре стороны, а не на две: стене просто некуда примыкать.

Рядом с церковью св. Николая поставлена колокольня похожей конструкции – с проходом в цокольной части, открытом арками на четыре стороны. Она стоит «над родником» и возведена «немного раньше» храма на галерее [Меписашвили, Цинцадзе 1977, 36]. Возможно, и церковь святого Николая была задумана как постройка над каким-то сакральным объектом, который либо не сохранился, либо так и не занял предназначенное ему место. Безусловно, сама двухэтажная композиция храма подталкивает к тому, чтобы связать его с традицией мартириев; однако на сегодняшний день «наличие захоронений здесь и, соответственно, использование его как костницы, не было подтверждено» [Крашенинникова 2003], что оставляет открытым вопрос о смысле его оригинального устройства. Во всяком случае, мы не можем отнести его к разряду надвратных церквей.

Между тем, в Грузии обнаруживается множество *надвратных колоколен*, к примеру, колокольни церкви Анчисхати в Тбилиси, собора Успения Богородицы (Баграти) в Кутаиси, собора Воскресения Христова в Самтависи, а также колокольни в грузинских монастырях Амаглеба, Вардзиа, Гударехи, Давид Гареджа, Дирби, Кацхи, Кинцвиси, Никози, Питарети, Ркони, Самтавро и др.[9] Это, как правило, столпообразные звонницы небольшого размера с проходом в цокольной части. Колокольни такого типа известны и в Европе, и в России, при этом во многих русских надвратных колокольнях, построенных в XVIII–XIX вв., помещались небольшие храмы.

[9] Ср. с похожей по типу колокольней храма Рождества Богородицы в Порхове (нач. XIV в.).

С гелатским храмом св. Николая обычно сопоставляют церковь Пресвятой Богородицы (Сурб Аствацацин) в армянском монастыре Татев (*ил.* 17). Так, А. Ю. Виноградов не считает её надвратной, помещая в один ряд с храмами «на галереях» в Гелати и Бачкове [Виноградов 2018, 250]. Однако, в отличие от указанных храмов, татевская церковь Богородицы стоит не на внутренней территории, а на монастырских воротах, освящая главный вход в монастырь. Она располагается на верхней площадке массивных ворот, но не по оси проезда, а со значительным смещением к северу[10], что визуально подчёркивает бинарный характер всей композиции. Постройка представляет собой «небольшой бесстолпный купольный храм зального типа, поставленный над воротами, рядом с которыми помещается небольшая усыпальница» [Седов 2009, 566]; композиция имеет подчёркнуто вертикальную ориентацию. Храм возведён в конце XI века по инициативе сюникского архиерея: «По смерти епископа Ованеса, место его заступил епископ Григорий, усердно продолжавший монастырские постройки. Так, он воздвиг церковь с куполом во имя св. Богородицы и много других сооружений для братий. <…> Епископ Григорий скончался в 1116 году» [Ерицов 1882, 410]. Возведение храма Сурб Аствацацин обычно датируют 1087 годом [Седов 2009, 566][11]; следовательно, Золотые ворота Киева построены заметно раньше.

Ил. 17. Храм Пресвятой Богородицы (Сурб Аствацацин) в монастыре Татев. Источник: http://travel.domnik.net/img-en/09am-armenia/24/x13-2.shtml.

[10] По сообщению А. *Л.* Якобсона, южная стена церкви «приходится над щелыгой свода ворот» [Якобсон 1947, 316].

[11] Ср.: «Судя по зонтичной кровле купола, памятник можно датировать X–XI вв.» [Арутюнян, Сафарян 1951, 49]. Н. М. Токарский относит его постройку к XIII веку [Токарский 1961, 295]. А. *Л.* Якобсон также датировал храм XIII веком [Якобсон 1947, 315–316; Седов 2009, 566].

И экстерьер церкви, и её расположение на воротах, ведущих в ограждённое пространство монастыря, указывают на вполне определённые иерусалимские аллюзии. Это подтверждается и косвенными свидетельствами. Так, на армянских средневековых миниатюрах, изображающих Вход Господень в Иерусалим, мы можем видеть над городскими воротами сооружение, напоминающее купол на колоннах и отсылающее к навершию кувуклии Гроба Господня. По наблюдению А. Ю. Казаряна, «изображение ротонды на высоком здании, символизирующем Иерусалим, появляется ещё в миниатюре с "Входом в Иерусалим" Евангелия Католикоса второй половины XI в.» [см.: Казарян 2009, 531, 542]. Этот образ «в значительной степени близок надвратной церкви XI в. в монастыре Татев. <…> Предваряя пространство монастыря, такая постройка переносила на него иконный образ Иерусалима, образ священного града» [Казарян 2009, 531]. Купол в виде зонтичного конуса, вероятно, восходит к форме первоначального покрытия кувуклии Гроба Господня и отсылает к этой форме с её многочисленными смыслами, а также может символизировать схождение Святого Духа на апостолов (Деян 1:12–14; 2:1–4), что превращает татевский храм в визуальный символ Сионской горницы [ср.: Казарян 2009, 522–523]. Кроме того, зонтичные купола «служат уникальными воплощениями темы Небесного храма во внешних формах купольной главы» [Казарян 2009, 529]. Следовательно, можно с полным основанием говорить о подчёркнуто *иерусалимской* семантике надвратной церкви Татева, остающейся единственным экземпляром такого рода во всей истории армянской архитектуры.

Если в структуру ворот Татевского монастыря входит «мавзолей» [Седов 2009, 566], то храм Сурб Аствацацин выступает ещё и в роли надгробного памятника или кенотафа и на этом основании может быть *формально* включён в категорию армянских церквей-усыпальниц [ср.: Казарян 2009, 531]. Однако и в этом перечне татевский храм удерживает однозначно сингулярную позицию, поскольку лишь у него единственного проездные ворота в нижнем ярусе занимают место этажа-гробницы. И хотя по своим собственным конструктивным особенностям церковь может быть отнесена к памятникам, выражающим *общую* тенденцию в развитии зодчества Армении и Грузии конца XI – начала XII веков [ср.: Асеев 1984, 9], при этом, будучи соединённой в одну композицию с воротами, она остаётся *уникальным* явлением во всей армянской архитектуре. В то же время и композиционное устройство, и пространственное расположение татевской церкви Сурб Аствацацин ставят её в один семиотический ряд с городскими надвратными храмами Киева, Владимира и Новгорода. Посвящение Богородице ещё больше подчёркивает указанную параллель.

Итак, церковь Пресвятой Богородицы в Татевском монастыре безусловно является надвратным храмом с подчёркнуто иерусалимской семантикой. Если же говорить о храме «над галереей», то в Армении обнаруживается только одно такое сооружение – часовня в монастыре Ахпат. Эта часовня находится над южным входом в галерею монастырского книгохранилища (матенадарана), построенного в середине XIII века [Шахкян 2009, 35]. Причём постановка часовни относительно входа в галерею произведена

по тому же принципу, что и постановка храма над воротами Татева: западная стена часовни расположена строго по центру свода входной арки.

Если для Византии, Европы и Кавказа надвратный храм был исключительным явлением, то в средневековой Руси это частый, «весьма значимый и хорошо изученный архитектурный феномен» [Виноградов 2018, 249], продолжающий непрерывно существовать на протяжении почти тысячелетия. Поднятый на ворота и архитектурно акцентированный храм – это «русская специфика» [Трифонова 2005], один из отличительных признаков отечественной архитектурной традиции. Только на Руси, справедливо отмечает А. Ю. Виноградов, начиная с середины XI в. «возникает устойчивая традиция возведения надвратных церквей, получившая своё развитие и в послемонгольский период» [Виноградов 2018, 260]. При этом у нас нет никаких оснований предполагать, что перенос иерусалимской *идеи* из Византии на Русь практически выражался в заимствовании формальных образцов. Подобно тому как нет необходимости подозревать некий антропоморфизм в известном иларионовом сравнении Киева с Девой Марией [Иларион 1994, 94–95], так не надо искать какого-то подражания киевских архитектурных сооружений *формам* гипотетического византийского прототипа. Наши поиски такого прототипа могут быть обусловлены именно этим методологически ошибочным подозрением, препятствующим нам видеть разницу между переносом формы и переносом идеи. Киев по своей «внешности» [ср.: Аванесов 2014, 13–14] не похож ни на Константинополь, ни на Иерусалим, хотя в своём *образе* сопоставляется и отождествляется *именно с ними*.

***

Полемика по поводу надвратных церквей в значительной степени обусловлена размытостью самого понятия надвратного храма, а также тем, что до сих пор ясно не определена связь между, с одной стороны, конструкцией и местоположением такого храма и, с другой стороны, его «иерусалимской» семиотической функцией. Чтобы понять, что мы имеем в виду, употребляя фразу «надвратный храм», требуется для начала хотя бы на первичном уровне классифицировать те сооружения, к которым мы применяем названную фразу. Расположив такие сооружения по типам, мы сможем, в частности, точнее определить, каким типам храмов в наибольшей степени и наиболее явным образом присуща иерусалимская символика, а каким мы можем приписывать в лучшем случае лишь «апотропеическую» функцию [Виноградов 2018, 267]. Так мы постараемся выяснить, любой ли «тип надвратного храма всегда в той или иной степени воспроизводит образ константинопольских Золотых ворот» [Седов 2009, 571]. Одновременно мы продвинемся в решении вопроса о том, *что именно* мы называем «надвратными храмами» в том или ином конкретном дискурсивном контексте и какие их типы попадают в предметное поле исследования в зависимости от той или иной постановки конкретной *цели* этого исследования. Так, например, уже ясно, что храм, стоящий *над проходной галереей*, трудно напрямую отнести к категории надвратных, поскольку даже формально тут нельзя вести речь ни о каких воротах.

Искомая типология должна выстраиваться с учётом *всей композиции* «храм–ворота». Классификация храмов в отрыве от ворот мало что даёт в плане понимания специфики этих сооружений в целом [напр., Виноградов 2016, 177; ср.: Виноградов 2018, 265]. В центре внимания должны быть не конструкция или эстетика самого храма и не конструкция самих ворот, но их *композиция*, то есть то, что «работает» на выражение их *общего* смысла. При этом, признавая, что композиция «храм–ворота» может быть разных типов, надо понимать, что не все храмы, входящие в такую архитектурную синтагму, можно будет именовать *надвратными* в строгом смысле (поскольку храм может оказаться связанным с воротами в один архитектурный и смысловой ансамбль, но располагаться не *на* них, а *в* них или *рядом* с ними). Развивая типологический подход Вл. В. Седова [см.: Седов 2009, 571], я могу предложить следующую (пока предварительную и сугубо гипотетическую) типологию надвратных храмов. В качестве репрезентативных примеров здесь приводятся сохранившиеся наиболее ранние надвратные храмы и ансамбли.

1) **Храм *на* городских / крепостных воротах** (здание церкви поднято на воротную башню как на постамент; верхняя и нижняя части композиции визуально противопоставлены друг другу)[12]:

— храм Благовещения на Золотых воротах в Киеве, 1037;

— храм Ризоположения на Золотых воротах во Владимире, 1164;

— храм Благовещения Суздальского Покровского монастыря, 1515 (здесь визуальная граница между храмом и воротной башней смягчена и почти скрыта за счёт пристройки гульбища с приделами вровень с краем башни);

— храм Покрова Пресв. Богородицы московского Новодевичьего монастыря, 1688;

— храм Преображения Христова московского Новодевичьего монастыря, 1689;

— храм Входа Господня в Иерусалим Ново-Иерусалимского монастыря, 1697.

Сюда же, судя по всему, надо отнести несохранившиеся храмы св. Феодора на воротах Переяславля Русского (1090)[13], Ризоположения на Пречистенских воротах детинца в Новгороде (1195), Иоакима и Анны на воротах детинца во Владимире (1196). Храм Сурб Аствацацин в Татеве ближе всего именно к этому типу надвратных церквей.

2) **Ворота в нижнем ярусе храма**, или храм-ворота [ср.: Выголов 1994,

---

[12] По словам Владимира Седова, «это триумфальная арка (быть может, с одним, двумя или даже тремя проездами, как в Золотых воротах), над которой стоит храм – подчёркнуто другой по архитектуре, выделенный и противопоставленный своему основанию, крепостному, торжественному или даже просто утилитарному. Этот тип характерен только для православного мира» [Седов 2009, 571].

[13] Судя по миниатюре Радзивилловской летописи, это была небольшая однокупольная церковь, стоящая на воротной оборонительной башне. Такой тип входной композиции Переяславля является практически общепризнанным [см., напр., Виноградов 2018, 260; Седов 2009, 553]. Однако, согласно реконструкции Ю. С. Асеева [Баран 1986, 284], храм имел арочный проезд в подклете; если это так, то его следовало бы отнести ко второму типу.

11–15]; при этом воротный проезд в церковном подклете может быть как прямым, так и ломаным.

С прямым проездом:

— храм Живоначальной Троицы Киево-Печерской лавры, 1108;

— храм преп. Сергия Радонежского на Владычном дворе в Новгороде[14], от 1459 до 1463;

— храм преп. Иоанна Лествичника Кирилло-Белозерского монастыря, 1572;

— храм Вознесения Господня (первоначально – Св. Феодора Стратилата) Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря, 1590;

— храм Благовещения Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря, 1601.

К ним следует добавить храмы Вознесения Господня Тихвинского монастыря (1593), Преображения Господня Кирилло-Белозерского монастыря (1595), Феодота Анкирского Серпуховского Введенского Владычного монастыря (1599), Благовещения Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря (кон. XVI в.), апостолов Петра и Павла Иосифо-Волоколамского монастыря (1679), обе надвратные церкви Валдайского Иверского монастыря (XVII в.), а также собор Двенадцати Апостолов Московского Кремля (1656) и множество других подобных сооружений.

С ломаным проездом, подчёркивающим оборонительный характер постройки:

— храм Воскресения Христова в Ростовском «кремле», 1670;

— храм св. Иоанна Богослова в том же Ростовском «кремле», 1683.

3) **Крепостные ворота с *примыкающим* к ним изнутри храмом**, причём проезд в его нижнем ярусе является продолжением крепостных ворот. Таковы, по-видимому, практически все кремлёвские надвратные храмы Великого Новгорода после их перестройки в XIV–XV вв. [см.: Выголов 1994, 19–24][15], церковь Спаса Нерукотворного Образа при Спасской башне Казанского кремля (ок. 1555), а также храм иконы Божией Матери «Знамение» при Власьевских воротах Ярославля (1861 / 1897). К данному типу относится упомянутый выше храм в болгарском Пернике.

4) **Отдельно стоящие крепостные ворота и храм типа (2) в единой системе**, т. е. храм с *проездом* в подклете *рядом* с воротной башней. В рамках такой композиции храм и въездные ворота либо поставлены на одной линии, как, например, расположен храм Рождества Иоанна Предтечи Троице-Сергиевой лавры (1699); либо линия входа через башню совпадает с линией входа в подцерковье, но там изгибается под прямым углом в сторону выхода из него, как в Троицкой (первоначально Сергиевской) церкви звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря (1651); либо эта линия изломана уже на пути движения от воротной башни к храму, а в проездном

---

[14] Вл. В. Седов, однако, считает, что это «бесстолпная церковь с полукруглой апсидой, поставленная на воротную башню с арочным проходом, перекрытым коробовыми сводами на арках» [Седов 2009, 564]. Никаких следов «воротной башни» при этом не наблюдается.

[15] По мнению М. К. Каргера, все кремлёвские надвратные храмы *изначально* примыкали к башням, а не стояли на них [Каргер 1980, 46–64].

подклете изгибается ещё раз, как устроен входной комплекс с надвратной церковью св. Николая Чудотворца в Псково-Печерском монастыре (1565)[16]. Аналог последней композиции мы видим в крымской Фуне.

5) **Храм-колокольня (храм «под колоколы») с воротами в нижнем ярусе**; в этом случае к храму над проездом конструктивно *добавлена* колокольня. К такому типу относятся колокольные храмы св. Симеона Столпника московского Данилова монастыря (1732) и Спаса Нерукотворного Образа Борисоглебского монастыря в Торжке (1811), а также поставленный на широкую воротную башню ярусный храм Тихвинской иконы Богородицы московского Донского монастыря (1714). В церкви «под колоколы» со временем были перестроены некоторые надвратные храмы второго типа, например, в 1794 г. – церковь св. Николая Чудотворца Троицкого Белопесоцкого монастыря с ломаным проездом (в 1883 г. переосвящена в честь Георгия Победоносца), в 1826 г. – храм св. Николая Чудотворца Ростовского Авраамиева монастыря, а в 1829 г. – церковь св. Николая в Угличском Покровском Паисиевом монастыре (уничтожена и затоплена вместе с монастырём).

Надвратный храм «под колоколы», как правило, отличает от надвратной колокольни наличие апсиды. В сооружениях пятого типа *храм на воротах* ещё визуально предъявлен как таковой – в отличие от тех надвратных церквей, которые спрятаны в проездной колокольне или башне. В этой связи необходимо различать надвратные храмы-колокольни (храмы «под колоколы») и появившиеся позднее храмы *в* воротных колокольнях. Надвратные же колокольни, не включающие в себя храмы, – это, судя по всему, ещё более позднее явление в русской сакральной архитектуре. Колокольня над въездом, которых в России огромное количество, имеет характер знака-индекса, отмечающего собой вход в освящённое пространство; но сложный синергийный смысл, свойственный именно надвратному *храму*, в данном случае отсутствует.

Именно вышеперечисленные варианты сочетания храма и ворот можно без оговорок отнести к разряду *надвратных* храмов, распределив их по пяти названным категориям, или типам.

Прочие варианты комбинации «храм–ворота», хотя и имеют место, однако не могут быть отнесены к надвратным храмам в точном смысле. В этих случаях церковь либо полностью включена в «тело» воротной постройки (колокольни или башни), не будучи явным образом выделена из этого «тела», и потому не несёт никакой визуально-семиотической нагрузки и, следовательно, никак не участвует в формировании сакрального про-

[16] Входной комплекс Псково-Печерского монастыря конструктивно «осложнён» тем, что в его состав входят и Святые ворота с надвратной башней, и проездная Никольская башня, соединённая с надвратной церковью св. Николая, и внутренняя крепостная стена, образующая в этом месте треугольный захаб. По отношению в Святым воротам Никольский храм выступает как отдельное сооружение, относимое к 4-му типу композиции «храм–ворота»; но в то же время по отношению к примыкающей Никольской башне он является примером композиции 3-го типа и может быть охарактеризован как храм с прямым проездом, пристроенный с внутренней стороны к воротной башне, проезд под которой изогнут под прямым углом [ср.: Рабинович 1956, 72–79].

странства города или монастыря; либо расположена около ворот, а не на них и не в них. Вот эти варианты:

6) **Проездная колокольня с храмом внутри**, к примеру, храм Гурия, Самона и Авива в колокольне храма Рождества Христова в Ярославле, храм Покрова Пресвятой Богородицы с часовней в честь Казанской иконы Божией Матери в надвратной колокольне московского Высоко-Петровского монастыря, храм преп. Сергия Радонежского в колокольне московского Ново-Спасского монастыря, храм во имя иконы Божией Матери «Взыскание погибших» при московском Софийском храме в Средних Садовниках, храм свв. равноапостольных Кирилла и Мефодия в колокольне Крестовоздвиженского собора в Санкт-Петербурге и др.

7) **Проездная (воротная) башня с храмом внутри**; на территории России мне известен только один экземпляр такого сооружения: Красная башня над Святыми воротами Саввино-Сторожевского монастыря с церковью св. Алексия человека Божия.

8) **Храм *без проезда* рядом с воротами в единой системе с ними** (то есть привратный храм), например, часовня Иверской иконы Божией Матери в Москве (примыкает к Воскресенским воротам), собор св. Николая Чудотворца в Изборске (расположен рядом с крепостными воротами) и т. п.

9) Наконец, в качестве «факультативного» варианта можно упомянуть **храм как «врата города» в сакрально-метафорическом смысле**. В данном случае храм «играет роль» ворот. Пример такого сооружения – часовня Иверской иконы Божией Матери в Томске [см.: Аванесов 2017, 69–70].

Итак, только пять разновидностей комплекса «храм–ворота» можно отнести к надвратным храмам в точном смысле. При наличии *общих* функций у всех типов надвратного храма [Аванесов 2019, 146–147], некоторые типы обладают ещё и специфическими функциями. Так, например, только первый тип надвратного храма напрямую связан с физической защитой города, исполняя своеобразную мобилизационную функцию: святыня, расположенная на главном участке обороны, призвана поднять боевой дух [Виноградов 2018, 267] и повысить степень упорства обороняющихся. Иным образом, но тоже несомненно, эту функцию исполняют храмы четвёртого типа (затрудняя преодоление воротного комплекса). Храмы колокольного типа дополняют визуальные способы выражения *торжества* и *призыва* акустическими способами. Развивая и уточняя предложенную типологию, можно добиваться более точного и обоснованного представления о роли надвратных храмов в программе организации пространства традиционного русского города.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аванесов 2014 – *Аванесов С. С.* Визуальность и коммуникация // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2014. № 2. С. 11–25.

Аванесов 2017 – *Аванесов С. С.* Иерусалимская топика: Западная Сибирь / Нижняя Силезия // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2017. № 4 (14). С. 65–89.

Аванесов 2018 – *Аванесов С. С.* Сакральная топика русского города (5). Собор и ворота // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 1 (15). С. 70–92.

Аванесов 2019 – *Аванесов С. С.* Сакральная топика русского города (6). Семантика надвратного храма // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 1 (19). С. 120–149.

Арутюнян, Сафарян 1951 – *Арутюнян В. М., Сафарян С. А.* Памятники армянского зодчества. Москва, 1951.

Асеев 1984 – *Асеев Ю. С.* Зодчество древнего Киева X–XIII вв. в контексте мирового архитектурного процесса // Древнерусский город. Материалы Всесоюзной археологической конференции, посвящённой 1500-летию города Киева. Киев, 1984. С. 5–10.

Баран 1986 – Археология Украинской ССР. Том 3: Раннеславянский и древнерусский периоды / Отв. ред. В. Д. Баран. Киев, 1986.

Беридзе 1948 – *Беридзе В. В.* Архитектура Грузии. Москва, 1948.

Виноградов 2016 – *Виноградов А. Ю.* Храмик над главными воротами Эски-Кермена и средневековая традиция надвратных церквей // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXI. Симферополь, 2016. С. 174–192.

Виноградов 2018 – *Виноградов А. Ю.* Зарождение и развитие феномена надвратных храмов в византийском мире // Византийский временник. 2018. Том 102. С. 249–273.

Воронова 2019 – *Воронова А. А.* Средневековая архитектура Сербии. Москва, 2019.

Воскобойников 2014 – *Воскобойников О. С.* Тысячелетнее царство (300–1300): Очерк христианской культуры Запада. Москва, 2014.

Выголов 1994 – *Выголов В. П.* Надвратные храмы древней Руси (проблемы эволюции и происхождения) // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Столица и провинция. Москва, 1994. С. 3–36.

Геров 2007 – *Геров Г.* О венценосных ктиторах Бачковского монастыря // От Царьграда до Белого моря: Сборник статей по средневековому искусству в честь Э. С. Смирновой. Москва, 2007. С. 65–88.

Губер 1966 – Всеобщая история архитектуры. Том 4: Архитектура Западной Европы. Средние века / Отв. ред. А. А. Губер. Ленинград, Москва, 1966.

Евсеева, Шведова 2011 – *Евсеева Л., Шведова М.* Иверская икона Богоматери Портаитиссы. Афонская святыня в России // Гора Афон. Образы Святой Земли / Под ред. А. М. Лидова. Москва, 2011. С. 70–79.

Ерицов 1882 – *Ерицов А. Д.* Татевский монастырь. Историко-археологический очерк // Пятый археологический съезд в Тифлисе. Москва, 1882. С. 404–420.

Иларион 1994 – *Иларион.* Слово о законе и благодати / Пер. В. Я. Дерягина. Москва, 1994.

Казарян 2009 – *Казарян А. Ю.* «Новый Иерусалим» в пространственных концепциях и архитектурных формах средневековой Армении // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств / Под ред. А. М. Лидова. Москва, 2009. С. 520–543.

Каргер 1980 – *Каргер М. К.* Новгород. Ленинград, 1980.

Кирилко 1989 – *Кирилко В. П.* Надвратная церковь средневекового укрепления Фуна. Датировка и атрибуция // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. Ростов-на-Дону, 1989. С. 62–73.

Комеч 2007 – *Комеч А. И.* Об особенностях пространственной структуры Спасо-Преображенского собора в Чернигове // От Царьграда до Белого моря: Сборник статей по средневековому искусству в честь Э. С. Смирновой. Москва, 2007. С. 161–182.

Крашенинникова 2003 – *Крашенинникова Н. Н.* Гелатский монастырь. 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravoslavie.ru/orthodoxchurches/40305.htm (дата обращения: 27.01.2020).

Крашенинникова и др. 2010 – *Крашенинникова Н. Н., Мамалашвили И., Мачабели К.* Гелати // Православная энциклопедия. Том 10. Москва, 2010. С. 551–555. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravenc.ru/text/161963.html (дата обращения: 27.01.2020).

Куюмджиев и др. 2018 – *Куюмджиев А., Мутафов Е., Ванев И. и др.* Корпус на стенописите от първата половина на XIX век в България. София, 2018.

Лазарев 1986 – *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. Москва, 1986.

Лев 1988 – *Лев Диакон.* История / Пер. М. М. Копыленко. Отв. ред. Г. Г. Литаврин. Комм. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. Москва, 1988.

Меписашвили, Цинцадзе 1977 – *Меписашвили Р., Цинцадзе В.* Кутаиси. Гелати. Гегути. Тбилиси, 1977.

Мнацаканян 1976 – *Мнацаканян С. С.* Композиция двухъярусных мартириумов в армянском раннесредневековом зодчестве // Историко-филологический журнал. 1976. № 4. С. 213–230.

Мыц 1991 – *Мыц В. Л.* Укрепления Таврики X–XV вв. Киев, 1991.

Нессельштраус 1964 – *Нессельштраус Ц. Г.* Искусство Западной Европы в Средние века. Ленинград, Москва, 1964.

Рабинович 1956 – *Рабинович Г.* Архитектурный ансамбль Псково-Печерского монастыря // Архитектурное наследство. 1956. Вып. 6. С. 57–86.

Седов 2009 – *Седов Вл. В.* Новый Иерусалим в надвратных храмах Византии и древней Руси // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. Москва, 2009. С. 544–584.

Степанян 2008 – *Степанян Н.* Мотив граната в раннесредневековом изобразительном искусстве Армении // Историко-филологический журнал. 2008. № 2. С. 210–229.

Токарский 1961 – *Токарский Н. М.* Архитектура Армении IV–XIV вв. Изд. 2-е. Ереван, 1961.

Толстая и др. 2009 – *Толстая Т. В., Турилов А. А., Гусева Э. К.* Иверская икона Божией Матери // Православная энциклопедия. Том 21. Москва, 2009. С. 8–22. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravenc.ru/text/293359.html (дата обращения: 27.01.2020).

Трифонова 2005 – *Трифонова И. О.* Город как сакральное пространство // Русь средневековая. Интернет-альманах. 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://medievalrus.narod.ru/trifonova.htm (дата обращения: 27.01.2020).

Хрушкова 2004 – *Хрушкова Л. Г.* Христианские памятники Крыма (состояние изучения) // Византийский временник. 2004. Том 63 (88). С. 167–194.

Шахкян 2009 – *Шахкян Г.* Ахпатский монастырь / Пер. с арм. Х. Диланяна. Эчмиадзин, 2009.

Якобсон 1947 – *Якобсон А. Л.* Из истории армянской средневековой архитектуры. III. Татевский монастырь // Советская археология. 1947. Вып IX. С. 303–328.

Яралов 1966 – Всеобщая история архитектуры. Том 3: Архитектура Восточной Европы. Средние века / Отв. ред. Ю. С. Яралов. Ленинград, Москва, 1966.

Meißner 1972 – *Meißner G.* Tore und Türme in Europa. Leipzig, 1972.

REFERENCES

Aseyev 1984 – Aseyev Yu. S. Architecture of Medieval Kiev of the 10th – 13th Centuries in the Context of the Global Architectural Process. *Old Russian Cities.* Kiev, 1984. P. 5–10. In Russian.

Avanesov 2014 – Avanesov S. S. Visuality and Communication. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics.* 2014. 2. P. 11–25. In Russian.

Avanesov 2017 – Avanesov S. S. Jerusalem Topic: Western Siberia / Lower Silesia. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics.* 2017. 4 (14). P. 65–89. In Russian.

Avanesov 2018 – Avanesov S. S. Sacred Topics of Russian Cities (5). The Cathedral and the Gate. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics.* 2018. 1 (15). P. 70–92. In Russian.

Avanesov 2019 – Avanesov S. S. Sacred Topics of Russian Cities (6). Semantics of Overgate Church. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics.* 2019. 1 (19). P. 120–149. In Russian.

Baran 1986 – Archeology of the Ukrainian SSR. Vol. 3: Early Slavic and Old Russian Periods. Ed. by V. D. Baran. Kiev, 1986. In Russian.

Beridze 1948 – Beridze V. V. Architecture of Georgia. Moscow, 1948. In Russian.

Evseyeva, Shvedova 2011 – Evseyeva L., Shvedova M. Iveron Icon of Our Lady of Portaitissa. Athos Miraculous Icon in Russia. *Mount Athos. Images of the Holy Land.* Ed. by A. M. Lidov. Moscow, 2011. P. 70–79. In Russian.

Gerov 2007 – Gerov G. About the Crowned Donators of the Bachkovo Monastery. *From Constantinople to the White Sea: Collection of Articles on Medieval Art in Honor of E. S. Smirnova.* Moscow, 2007. P. 65–88. In Russian.

Guber 1966 – General History of Architecture. Vol. 4: Architecture of Western Europe. Middle Ages. Ed. by A. A. Guber. Leningrad, Moscow, 1966. In Russian.

Harutyunyan, Safaryan 1951 – Harutyunyan V. M., Safaryan S. A. Monuments of Armenian Architecture. Moscow, 1951. In Russian.

Hilarion 1994 – Hilarion. The Sermon About the Law and the Grace. Moscow, 1994. In Russian.

Karger 1980 – Karger M. K. Novgorod. Leningrad, 1980. In Russian.

Kazaryan 2009 – Kazaryan A. "New Jerusalem" in the Concepts of Space and Architectural Forms of Medieval Armenia. *New Jerusalems: Hierotopy and Iconography of Sacred Spaces.* Ed. by A. M. Lidov. Moscow, 2009. P. 520–543. In Russian.

Khrushkova 2004 – Khrushkova L. G. Christian Monuments of Crimea (state of study). *BYZANTINA XPONIKA*. 2004. Vol. 63 (88). P. 167–194. In Russian.

Kirilko 1989 – Kirilko V. P. Overgate Church in the Medieval Fortification Funa. Dating and Attribution. *Northern Black Sea and Volga Regions in the Relationship Between East and West in the 12th – 16th Centuries.* Rostov-on-Don, 1989. P. 62–73. In Russian.

Komech 2007 – Komech A. I. About the Salient Features of Spatial Structure of the Transfiguration Cathedral in Chernigov. *From Tsargrad to the White Sea: Collection of Articles on Medieval Art in Honor of E. S. Smirnova.* Moscow, 2007. P. 161–182. In Russian.

Krasheninnikova 2003 – Krasheninnikova N. N. Gelati Monastery. 2003. URL: http://www.pravoslavie.ru/orthodoxchurches/40305.htm. In Russian.

Krasheninnikova et al. 2010 – Krasheninnikova N. N., Mamalashvili I., Machabeli K. Gelati. *Orthodox Encyclopedia.* Vol. 10. Moscow, 2010. P. 551–555. URL: http://www.pravenc.ru/text/161963.html. In Russian.

Kuyumdzhiev et al. 2018 – Kuyumdzhiev A., Moutafov E., Vanev I. Corpus of Mural Paintings from the First Half of 19th Century in Bulgaria. Sofia, 2018. In Bulgarian.

Lazarev 1986 – Lazarev V. N. The History of Byzantine Painting. Moscow, 1986. In Russian.

Leo 1988 – Leo the Deacon. The History. Transl. into Russian. Ed. by G. G. Litavrin. Moscow, 1988.

Meißner 1972 – Meißner G. Tore und Türme in Europa. Leipzig, 1972.

Mepisashvili, Tsintsadze 1977 – Mepisashvili R., Tsintsadze V. Kutaisi. Gelati. Geguti. Tbilisi, 1977. In Russian.

Mnatsakanyan 1976 – Mnatsakanyan S. S. Composition of Two-Tier Martyriums in Armenian Early Medieval Architecture. *Historical and Philological Journal.* 1976. 4. P. 213–230. In Russian.

Myts 1991 – Myts V. L. Fortifications of the Taurica 10th – 15th Centuries. Kiev, 1991. In Russian.

Nesselstraus 1964 – Nesselstraus Ts. G. Art of Western Europe in the Middle Ages. Leningrad, Moscow, 1964. In Russian.

Rabinovich 1956 – Rabinovich G. The Architectural Ensemble of the Pskov-Pechersky Monastery. *Architectural Heritage.* 1956. 6. P. 57–86. In Russian.

Sedov 2009 – Sedov Vl. V. New Jerusalem in Churches over the Gates in Byzantium and Old Russia. *New Jerusalems: Hierotopy and Iconography of Sacred Spaces.* Moscow, 2009. P. 544–584. In Russian.

Shahkyan 2009 – Shahkyan G. Haghpat Monastery. Transl. into Russian by H. Dilanyan. Etchmiadzin, 2009.

Stepanyan 2008 – Stepanyan N. The Pomegranate Motif in the Early Medieval Fine Arts of Armenia. *Historical and Philological Journal.* 2008. 2. P. 210–229. In Russian.

Tokarsky 1961 – Tokarsky N. M. Architecture of Armenia in 4th – 14th Centuries. Yerevan, 1961. In Russian.

Tolstaya et al. 2009 – Tolstaya T. V., Turilov A. A., Guseva E. K. Icon of the Panagia Portaitissa. *Orthodox Encyclopedia.* Vol. 21. Moscow, 2009. P. 8–22. URL: http://www.pravenc.ru/text/293359.html. In Russian.

Trifonova 2005 – Trifonova I. O. City as a Sacred Space. *Medieval Rus. Internet almanac.* 2005. URL: http://medievalrus.narod.ru/trifonova.htm. In Russian.

Vinogradov 2016 – Vinogradov A. Yu. A Small Church over the Main Gate of Eski-Kermen and the Medieval Tradition of Overgate Churches. *Materials on Archeology, History and Ethnography of Tavria.* Vol. 21. Simferopol, 2016. P. 174–192. In Russian.

Vinogradov 2018 – Vinogradov A. Yu. The Origin and Development of the Phenomenon of Gate Churches in the Byzantine World. *BYZANTINA XPONIKA.* 2018. Vol. 102. P. 249–273. In Russian.

Voronova 2019 – Voronova A. A. The Medieval Architecture of Serbia. Moscow, 2019.

Voskoboynikov 2014 – Voskoboynikov O. S. Millennial Kingdom (300–1300): Essay on the Christian Culture of the West. Moscow, 2014. In Russian.

Vygolov 1994 – Vygolov V. P. Overgate Churches of Old Russia (problems of evolution and origin). *Monuments of Russian Architecture and Monumental Art: Capital and Province*. Moscow, 1994. P. 3–36. In Russian.

Yakobson 1947 – Yakobson A. L. From the History of Armenian Medieval Architecture. III. Tatev Monastery. *Soviet Archeology.* 1947. 9. P. 303–328. In Russian.

Yaralov 1966 – The General History of Architecture. Vol. 3: Eastern European Architecture. Middle Ages. Ed. by Yu. S. Yaralov. Leningrad, Moscow, 1966. In Russian.

Yeritsov 1882 – Yeritsov A. D. Tatev Monastery. Historical and Archaeological Essay. *Fifth Archaeological Congress in Tiflis.* Moscow, 1882. P. 404–420. In Russian.

Материал поступил в редакцию 03.02.2020,
принят к публикации 12.03.2020

Для цитирования:
Аванесов С. С. Сакральная топика русского города (7). К типологии надвратных храмов // Визуальная теология. 2020. № 1. С. 29–66. DOI: https://doi.org/10.34680/vistheo-2020-1-29-66.

For citation:
Avanesov S. S. Sacred Topics of Russian Cities (7). To the Typology of the Overgate Churches. *Journal of Visual Theology*. 2020. 1. P. 29–66. DOI: https://doi.org/10.34680/vistheo-2020-1-29-66.